

Научная статья
УДК 124.5
DOI: 10.18101/1994-0866-2023-4-54-60

ИГРОВАЯ ГРАНЬ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

© **Креписов Константин Михайлович**

директор по юридическим вопросам,
Завод углеродных и композиционных материалов
Россия, 454000, г. Челябинск, тер. Челябинский электродный завод
krepisov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме символического характера социальной нормативности. Обосновано, что анализ действия правовой нормы в виде игрового поля способен раскрыть общий игровой аспект нормы. В сравнительном анализе современных отечественных исследований в области философии права и достижений аналитической философии, юридического позитивизма зарубежных авторов систематизированы основные риски вытеснения нормы игрой. Предпринята попытка проследить трансформации современной философии в толковании игровой природы социальности. Раскрыта суть диалогической природы социальных норм. Прослежены онтические и онтологические уровни исследования игровой природы символической социальной нормативности. Показано, что фактически нормы в их символической природе не только распределяют социальные роли, но и участвуют в их определении. Специально прослежена связь правовой нормы и дискурсивной практики в правовой реальности.

Ключевые слова: норма, дискурс, игра, символ, социум, социальное бытие, право, правило, мораль, язык.

Для цитирования

Креписов К. М. Игровая грань символической природы социальной нормативности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 4. С. 54–60.

В анализе основных институтов культуры обнаруживается одна общая черта — их функционирование направлено на формирование и обеспечение социального порядка, который отвечает структуре социального бытия. Видимо, эту функцию в социуме закрепляют нормы. Такая объективация стремления человека упорядочить свой жизненный мир позволяет предположить, что в целом нормативность является неким родовым свойством и носит универсальный характер. В обратной связи норма репрезентирует содержание конкретной стадии развития социальных отношений. Данные свойства нормативности в настоящее время приобретают особую актуальность в анализе общества. Нарастание социальной неопределенности, расширение коммуникативных потоков существенно меняют поведенческие стратегии человека. Трансформируется свобода, процедура цифровизации выбора своеобразно отчуждает социального субъекта от непосредственной

социальной практики, потоки информации размывают смысл, продуцируя ситуацию поглощения информации ради информации. В поле самой нормативности начинают размываться демаркационные линии между конкретными видами норм. Между тем минимизация рисков кризисного социального состояния человечества возможна только при условии эффективного функционирования норм. Отсюда природа нормы, механизмы ее формирования, место в непосредственной деятельности, коммуникации человека, несомненно, требуют специального теоретического исследования.

Современный человек погружен в пересечение виртуального, воображаемого, реального миров, и его рациональность постепенно теряет доминирующие позиции в ориентации в среде, уступая место эмпатии. *Homo ludens* достаточно агрессивно теснит *Homo sapiens* в характеристиках носителя общественных отношений. При этом следует отметить, что по сравнению с XX в. сама игра становится иной. Ее критерии: свободное действие, свое пространство, жесткие правила, игровое сообщество [9] становятся символическими. При этом сокрытые смыслы часто становятся ведущими. Так, свободное действие скрывает образ игры как манипулятивного механизма, игровое пространство — идею универсальности виртуальной формы бытия и так далее. В результате игра не просто лежит в основе формирования культуры [4], она начинает претендовать на статус ведущей функции институтов культуры, превращая их тем самым в симулякр. В этих процессах трансформация нормативности несет особо серьезные риски для стабильности социума. Превращение нормы в игровой компонент продуцирует состояние вседозволенности, особенно на фоне утраты критерия постоянства правил игры.

Вместе с тем внутри нормативности существуют закономерности, способные прояснить такие изменения в репрезентации норм. В частности, в сложившейся ситуации представляется интересным философский анализ действия юридического закона в качестве игры [7; 13]. Следует отметить, что современная философия права в исследовании данного аспекта, чаще всего, носит позитивистский характер [6]. Вытеснение теории естественного права представляется закономерным, хотя логический позитивизм традиционно в исследовании права соотносит право и мораль, тем не менее в отличие от первой теории он их четко демаркирует. Именно в современном логическом позитивизме складываются предпосылки рассмотрения нормативности в игровом поле. В этом направлении теоретический анализ позиционирует право как форму социального контроля [8], что, безусловно, показывает значимость правовой нормы и одновременно не сводит право к сумме таких норм. Получается, что потенциально право может выступать специфичным игровым пространством, элементами которого будут отдельные нормы. При этом современный юридический позитивизм решительно отрицает традиционное для теории естественного права деление рефлексии права на аналитическую юриспруденцию (право «как оно есть») и на нормативную юриспруденцию (право «каким оно должно быть») по той причине, что в этом случае норма превращена в некий свод запретов, причем директивного характера [14]. Такая позиция более созвучна современному состоянию социальных отношений и связей, так как коммуникативное общество четко разделяет запрет и собственно норму. Поэтому, соглашаясь с

тем, что юридический позитивизм не совсем последователен к интерпретации сущности права [11], отметим значимый для нашего исследования факт: в результате таких посылок право предстает как свод правил [14]. Право как игровое поле получает особые правила игры. Игровым сообществом становится само общество. Следовательно, можно заключить, что именно позитивистский подход к исследованию правового поля культуры формирует предпосылки вытеснения права игрой в социальной практике. Более того, определение правил как правил обязанностей [8] вытесняет норму, она становится симулякром. А это, в свою очередь, моделирует игру вне игрока — человек заменен правилом, в крайнем случае неким институтом. Так, правила признания, выдвигаемые юридическим позитивизмом в качестве универсального критерия границ права, приводят к тому, что человек мыслится простым исполнителем поля формирования закона. Результатом станет неэффективность юридического закона, так как в его содержании нет объективации реального сегмента социального бытия. Следует также отметить, что данная «игра» не «играет» даже в предельно суженном социальном пространстве: например, становится невозможным объяснить природу судебных решений [11]. Это косвенно подтверждает гипотезу о целостной природе символичности норм в культуре, так как любое решение в области нормативности отражает состояние всех общественных отношений, то есть представляет собой некую неразрывную связь многих видов норм. В частности, никакое судебное решение не может быть принято вне моральных соображений. Это, кстати, во многом объясняет сложность разделения права и морали.

Как отмечают современные исследователи области философии права, восстановление общего статуса правового поля вне сведения его к директивности происходит несколько традиционно — обращением ко второму направлению его исследования. Так, например, хотя оппонент Харта Р. Дворкин в стремлении «оживить» правовую норму предлагает «третью» позицию, но, в своей сути, это попытка восстановления теории естественного права [6]. Для того чтобы вернуть норме ее символический характер в структуру права, наряду с нормами вводятся принципы и стратегии. Принципы ориентированы на правовые нормы, а стратегии — на коллективные цели правовой деятельности [2]. Правовое пространство расширено. И вместе с тем символичность нормы становится более неопределенной. Это происходит потому, что прообраз символа лишен онтологических границ вследствие того, что принцип в действительности — это правовая норма, окрашенная моралью. Следовательно, например, при разрыве репрезентации нормы в осознанной деятельности и нормы в реальности (человек по какой-либо причине не знает юридической нормы) символическая природа нормы позволяет заменить ее «усмотрением» [6]. Такой своеобразный эпистемологический подход начинает наслаивать некие условные нормативные круги и фактически возвращает в позитивистскую концепцию. Символичность нормы становится игровой, она сводится к правилам общей игры культуры, причем правила этой игры расширены внеправовым регулированием — принципами.

В действительности рассмотрение символичности нормы через игру не обязательно ее разрушает. В нормативности, как и в культуре в целом, действительно

заложены игровые механизмы. Сам смысл использования игровой метафоры в философствовании о праве основывается главным образом на том факте, что в игры играют по определенным правилам, которые являются их конститутивными [13]. При этом следует отметить, что смысл игры двойственен: игра может пониматься как идентичность общим правилам [2] и игра может быть ассоциирована с частным случаем игры людей. Если первый уровень онтологичен, то второй — рассматривает норму онтически. Онтическое рассмотрение игровой природы нормы позитивно, так как этот уровень раскрывает специфику действия нормы в деятельности человека. Применительно к нормам права — понимание юридической практики в качестве игры позволит раскрыть детерминационную роль нормы в определении ролей участников правовой реальности, проявить специфику их отношений, указать направления их стремлений [13]. Именно этот уровень позволит прояснить моральную природу права через морально-правовые категории: свободу, равенство, гуманизм, справедливость [10].

Вместе с тем представляется актуальным и значимым и онтологический уровень принятия игровой символичности нормы. Так, в рамках рассматриваемой в этой работе правовой нормы нужно отметить, что, например, еще Аристотель указывает на различие справедливости как грани социальной нормативности в качестве юридической категории и соразмерности [1]. В современных исследованиях права справедливость раскрывает субстанциональность нормы в общественных отношениях и трактуется многоуровнево: от формы сотрудничества социальных групп, легитимации институтов до соразмерности распределения и вознаграждения [5]. Такая многоуровневость раскрывает реальную сущность символического характера нормы: норма рождена и воспроизводится на разных уровнях совместных действий в форме взаимных обязательств и признания конкретных действий [13]. Также на примере функционирования правовой реальности следует констатировать диалогическую форму символичности норм: необходимы по крайней мере два участника, например, в юридической практике — субъект, принимающий решение, и получатель этого решения. Безусловно, в этой особенности сокрыт еще один значимый аспект символа нормы — герменевтический, так как любой диалог всегда продуцирует проблему понимания и смысла. С точки зрения развития теоретической мысли, возможно, такая сложность нормативной символичности детерминирует некоторые проблемы современного прагматизма на стыке с аналитической философией. Так, например, нормативные дискурсивные практики обмена доводами вызывают необходимость философского объяснения значения языковых единиц с точки зрения их социально регламентированного использования [12]. Так как репрезентация нормы в качестве утверждения, которое принимается носителем общественных отношений, служит выражением причин социальной реальности, то правила нормативной «игры» онтологичны. Дискурсивные акты, например, судебного разбирательства формируют обязательства, которые приводят к наделению других участников правом проверять их и требовать обоснования [14]. Фактически нормы в их символической природе не только распределяют социальные роли, но и участвуют в их определении [3].

Анализ социальной практики и имеющихся теоретических исследований убеждает в том, что еще одной характеристикой игрового символизма социальной нормативности выступает неразрывная связь с речевыми актами. Современная аналитическая философия утверждает, что в целом практика приведения и выяснения социальных причин предполагает их градацию в оценке правильно/неправильно. На этом основании сам процесс речевого снятия социальной практики определяет как нормативный [12]. Но увлечение анализом языковой оболочки закрепления нормы провоцирует возникновение тавтологических ситуаций. Как справедливо указывает ряд исследователей, тогда получается, что дискурсивные ходы рассуждений являются нормативными именно потому, что они создают нормативные дискурсивные статусы тех, кто участвует в дискурсивной практике [13].

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что социальная норма символична по природе. Символы норм позволяют рассматривать норму в качестве конкретного явления игровой формы культуры. На примере анализа раскрытия в социальной практике юридической нормы можно заключить, что в таком случае право, трактуемое как игра со своими основополагающими правилами, включает в себя набор конкретных игр, которые приводят к конкретным индивидуальным результатам для тех, кто в ней участвует, но также имеют отношение к будущим играм, в которые еще предстоит сыграть. Однако необходимо отметить, что тенденция сделать игровой аспект символичности нормы доминирующим несет достаточно серьезные риски. В частности, в рассмотренном примере функционирования юридической нормы обнаруживается риск оторванности от самой правовой реальности. Увлечение репрезентативностью нормы в представлениях действующих юридических субъектов приводит к тому, что правовая норма замкнута на саму себя в том плане, что мир реальных фактов становится трансцендентным, не востребованным. Негативным следствием будет наблюдаться своеобразное эпистемологическое опустошение нормы: она напрямую отождествляется исключительно с правилами поведения. В этом случае возникают сомнения и в самой игровой природе нормативности.

Литература

1. Аристотель Этика. Москва: АСТ 2021. 416 с. Текст: непосредственный.
2. Дворкин Р. Империя права Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с. Текст: непосредственный.
3. Жилина В. А., Жилин А. Ю. Мифы статуса конфликта в социальном развитии // Социум и власть. 2015. № 2(52). С. 19–21. Текст: непосредственный.
4. Жилина В. А., Кузнецова Н. В., Жилина Е. А. Особенности определения носителя социальных отношений в философском и управленческом анализе: инкультурация vs воспроизводство социума // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12(434). С. 41–48. Текст: непосредственный.
5. Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 29–42. Текст: непосредственный.
6. Коваль С. В. Категория принципов в философии права Р. Дворкина // Знание. Понимание. Умение. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-printsipov-v-filosofii-prava-r-dvorkina> (дата обращения: 10.08.2023). Текст: электронный.

7. Креписов К. М. Цивилизационная демаркация правовой нормы // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов XIII Международной научной конференции / под общей редакцией В. А. Жилиной. Магнитогорск, 2022. С. 78–81. Текст: непосредственный.

8. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. Москва: Канон, 2017. 384 с. Текст: непосредственный.

9. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Москва: Азбука. 2022. 400 с. Текст: непосредственный.

10. Цыбулевская О. И. Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskiiy-podhod> (дата обращения: 10.08.2023). Текст: электронный.

11. Четвернина А. В. Понятие права, свобода и мораль в работах Герберта Харта (классическая научная литература для юриста) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал, 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prava-svoboda-i-moral-v-rabotah-gerberta-harta-klassicheskaya-nauchnaya-literatura-dlya-yurista> (дата обращения: 10.08.2023). Текст: электронный.

12. Bandom R. B. Articulating reasons: An introduction to inferentialism. Harvard University Press. URL: https://www.researchgate.net/publication/31303158_Articulating_Reasons_An_Introduction_to_Inferentialism (accessed: 10.08.2023).

13. Dybowski M., Dzięgielewska W. & Rzepiński W. Game analogy in law reconsidered: is evidence at stake? *Synthese* 200. 2022. 517. URL: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03997-0> (accessed: 10.08.2023).

14. Hart H. L. A. Definition and theory in jurisprudence // Clarendon. 1983. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198253884.003.0002>.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 21.11.2023.

GAME FACET OF THE SYMBOLIC NATURE OF SOCIAL NORMATIVITY

Konstantin M. Krepisov

Director for Legal Affairs,

Carbon and Composite Materials Plant,

Chelyabinsk Electrode Plant, Chelyabinsk 454000, Russia

krepisov@mail.ru

Abstract. The article considers the symbolic nature of social normativity. It is substantiated that representation of the functioning of the rule of law in the form of a playing field can reveal the general gaming aspect of the norm. A comparative analysis of modern domestic research in the field of philosophy of law and the achievements of foreign authors in the analytical philosophy and legal positivism has allowed us to systematize the main risks of replacing the rule of law by the game. We have attempted to trace the transformations of modern philosophy when interpreting the game nature of sociality. The article reveals the dialogical nature of social norms, the ontic and ontological levels of studying the game facet of the symbolic nature of social normativity. It is shown that the rule of law in its symbolic

nature not only distributes social roles, but also participates in their definition. We have traced the link between the rule of law and discursive practice in legal reality.

Keywords: the rule of law, discourse, game, symbol, society, social existence, law, rule, morality, language.

For citation

Krepisov K. M. Game Facet of the Symbolic Nature of Social Normativity. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2023; 4: 54–60 (In Russ.).

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 21.11.2023.